1805 ХАЧАТУР

Поборник русской культуры

Геворк АБОВ

Абовян считал русскую державу защитницей армянского народа, оберегающей его от варварских нашествий персов и турок.

Освобождение от персидских кзылбашей было мечтою не только Абовяна, но и всего армянского народа, совершенно лишенного возможности мирного существования, мирного развития своей экономической и культурной жизни. Показав в «Ранах Армении» геройские подвиги армян в борьбе за свою свободу, Абовян одновременно выражает чувство глубокой благодарности русскому народу, сыновья которого пришли на помощь его соотечественникам.

В этом историческом акте Абовян видел поворотный этап всей истории армянского народа и его культуры: он отмечал, что «сила русского человеколюбия смягчила и самые скалы,—пустынные, безлюдные поля Армении заселились людьми, пользующимися ныне попечением русского народа».

Для Абовяна были глубоко важны не только защита и мирное существование народа, но и экономическое, культурное развитие нации. А это развитие он не представлял в отрыве от великой русской культуры, без просвещения, воспитания масс, без укрепления дружбы между закавказскими и русским народами. «Без нее,—писал он,—местные жители остались бы чуждыми той священной связи, которая является единственной, могущей приблизить друг к другу, об'единить эту массу многоплеменных наций и превратить их в одну семью, связанную непоколебимой любовью».

Самым важным средством достижения этого Абовян считал изучение, освоение русского языка.

«Русский язык—язык нашего государства, и мы должны считать его выше всех»—писал он, и советовал своим соотечественникам: «Постараемся по мере наших сил и возможностей усвоить полезные науки, воспитать нашу мысль и наше сердце, приобрести знание русского языка и стать добрыми гражданами. Этим, именно этим мы сможем об'единиться с великой русской нацией...»

Под об'единением он понимал не ассимиляцию, против которой он гневно восставал, а использование для своей национальной культуры всех тех завоеваний и прогрессивных традиций, которые были в русской культуре. Вот почему, обращаясь к армянской молодежи, он увещевал: «Изучайте десять языков, но за ваш язык держитесь крепко», потому что народу своему необходимо дать знания на родном языке.

Характерно, что Абовян отвергал бюрократическую систему образования, проводимую николаевской реакцией, и считал, что «всякое образование и порядок должны соответствовать состоянию и нуждам народа». Поэтому он и боролся за использование в просвещении родного народа прогрессивной русской культуры, которая помогла бы армянам приобщиться к достижениям передовой науки, овладеть техникой, облегчить труд крестьянина, расширить его кругозор, поднять его национальное самосознание, патриотизм, понимание своих интересов.

Такая направленность в понимании культуры, большой интерес Абовяна к крестьянству перекликались со взглядами лучших русских писателей его времени, со взглядами Грибоедова, который в своем проекте преобразования Закавказья писал: «Просвещение появится как средство вспомогательное, подчиненное личным видам, но скоро поведет население к познаниям и стремлению самим быть творцом нравственного улучшения быта своего, и край сей, можно сказать, возродится для новой неведомой ему доселе жизни».

Эти проекты культурного развития закавказских народов печатались и пропагандировались Грибоедовым в годы, когда Абовян был еще учеником армянской школы Нерсесян. Грибоедов проявлял большой интерес к этой школе и часто посещал ее.

Для осуществления культурных преобразований Абовян прибегал к помощи Закавказско-экономического общества, организованного на принципах, выдвинутых Грибоедовым. В этот период чувство патриотизма, сознание долга перед народом выражались не только в лучших произведениях современной Абовяну русской литературы, но и в настроениях сосланных в те годы в Закавказье многих декабристов, имевших определенное влияние на сознание местного юношества и молодежи. Несомненно, влияние этой атмосферы наложило свой отпечаток на развитие общественных взглядов Абовяна, который говорил: «жить и умереть для родины—вот задача, которую выбрал я целью для себя с детских дней».

Лишь следствием этих умонастроений можно об'яснить стремление Абовяна воспитать «детей наиболее бедного сословия, посеяв в их душе человеческие обязанности».

Этими своими установками по вопросам культуры и просвещения он следовал за лучшими традициями русской культуры.

Знал ли, общался ли Абовян лично с крупными деятелями русской литературы? Об этом у нас мало сведений. Несомненно его знакомство с А. С. Грибоедовым. В своем дневнике студенческих лет Абовян говорит, что с сыновьями Карамзина он беседовал именно о Грибоедове. В тех же дневниках он рассказывает о своем знакомстве и беседе с поэтом Жуковским, патриотизм которого восхищал Абовяна. Известно довольно серьезное столкновение Абовяна с вождем прогрессивной русской литературы Фаддеем Булгариным.

Связь между русской прогрессивной литературой и творчеством Абовяна определяется теми идеями и той общей направленностью, которые были присущи произведениям лучших русских писателей. Они помогли Абовяну не только понять и правильно отразить армянскую действительность первой половины XIX века, но и создать в армянской литературе многие жанры, дотоле в ней не существовавшие.

Даже в такой важнейшей области деятельности, как создание нового армянского литературного языка и введение этого языка в школу, Абовян имел перед собой пример деятелей русской культуры и обосновывал свои начинания живым опытом русской Академии и Ломоносова.

«Русская Академия, учрежденная 26 октября 1725 года, начала создавать новый век для русского языка и литературы»,—писал Абовян.

Перед его глазами был опыт Ломоносова, Фонвизина, Крылова, Карамзина, Пушкина, творчество которых он изучал на школьной скамье, в университете и в последующие годы. Ему был знаком лозунг: «Пиши так, как говоришь и говори так, как пишешь», провозглашенный Карамзиным, отрывки из произведений которого Абовян переводил еще в юношеские годы, а стихи его—в период учебы в университете.

Абовян перенимал основной дух, важнейшие принципы передовой русской культуры и был далек от слепого подражания. Он брал из нее то, что помогало с его точки зрения культурному развитию широких трудящихся масс армянского народа. В тех случаях, когда Абовян хотел сделать достоянием своего народа конкретные произведения русских авторов, он перерабатывал их согласно задачам, стоявшим перед армянским читателем того времени, согласно тем идейным установкам, которыми руководствовался сам, исходя из своих просветительских, демократических взглядов.

Интересна в этом отношении пьеса Абовяна «Феодора», схожая по теме с «Парашей-сибирячкой» Полевого. Но если Полевой в своей трехактной пьесе концентрирует внимание на религиозных чувствах действующих лиц, то Абовян в одноактной пьесе делает акцент на гуманных чувствах, на преданности дочери отцу, совершенно меняет характеристики действующих лиц, сводя идею пьесы к утверждению, что гуманность и преданность детей родителям сильнее, чем власть князей и царей.

Это идейное различие между «Феодорой» и «Парашей-сибирячкой» становится тем более знаменательным, если вспомнить, что «Параша-сибирячка» была подвергнута резкой критике Белинским.

Невольно возникает вопрос: не сыграла ли роль в подходе Абовяна к этой теме критика «Параши-сибирячки» Белинским?

Представляет особый интерес то обстоятельство, что как в творчестве его великих русских современников—Пушкина и Гоголя, в произведениях Абовяна впервые получают свое отражение образы так называемых «маленьких» людей, жертв крепостнического строя и социальных противоречий, обострившихся вследствие развития буржуазных отношений. Образы неимущих крестьян, низших чиновников, разночинной интеллигенции, разорившихся купцов, русских крепостных, солдат обрисованы Абовяном с глубокой симпатией.

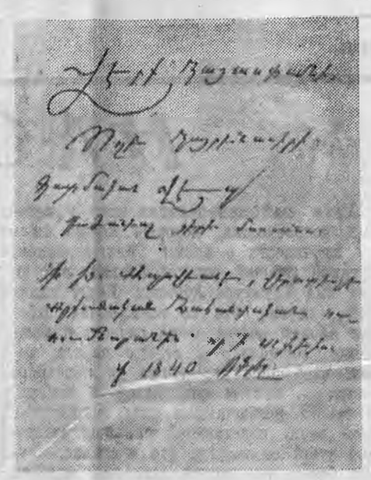
Не перекликается ли образ царского чиновника-мздоимца в поэме «Азарпешен» Абовяна с героями бессмертного «Ревизора»? Не по сюжету, конечно, а по идейной направленности, вскрывающей взяточническую, корыстолюбивую сущность и душевную пустоту чиновника.

Наряду с этими образами Абовян создает типичные характеры людей, исполненных чувства долга перед народом и перед родиной, образы героев-патриотов.

Все отмеченные выше факты показывают, что, борясь за изучение и освоение русской культуры и литературы, Абовян ясно различал «культуру» городничих, хлестаковых и фамусовых от культуры тех, кто служил народу, прогрессу, родине.

Он был поборником прогрессивной русской культуры, сторонником тех передовых элементов, которые провозглашали идеи свободы народов, гуманизма, которые стояли за освобождение крестьян из-под крепостного гнета. Он символически изображал единение народов Закавказья с русским народом. Ручьи, стекающие со склонов Арагаца в Аракс, соединяются с грузинской рекой Курой, говорил он, и, протекая по Азербайджану, вливаются в Каспийское море, чтобы пойти навстречу русским кораблям, приветствуя их.

Светлая мечта Хачатура Абовяна—свободный и дружеский союз армянского народа и других народов Закавказья с великим русским народом в едином государстве—стала действительностью в наши дни.



Факсимиле рукописи Х. Абовяна. Заглавная страница романа «Раны Армении». — «Раны Армении. Вопль патриота. Исторический роман из трех частей. Написан Х. Абовяном, инспектором Тифлисского уездного училища, в 1840 году. Тифлис».

Издание произведений Хачатура Абовяна

В Ереванской государственной библиотеке имени А. Мясникяна находятся различные издания произведений великого армянского писателя-демократа и просветителя Хачатура Абовяна.

Наиболее старое из них—изданные в 1858 году типографией Тифлисской Нерсесянской школы «Раны Армении».

В библиотечном фонде хранятся изданные отдельными книжками в 1862 и 1864 годах в Тифлисе сборник Х. Абовяна «Развлечение на досуге» и драма «Феодора или сыновняя любовь». Имеются «Раны Армении» и «Сочинения», изданные в Москве в 1897 году.

В библиотеке есть образцы изданий «Ран Армении», «Тюрчанки» и «Азарпешен» 1908 и 1912 годов.

В наши дни произведения основоположника новой армянской литературы стали достоянием широких народных масс.

За последние 30 лет произведения Х. Абовяна были изданы 20 раз. Общий тираж изданных произведений Абовяна за этот период составляет около 60 тысяч экземпляров.

С 1947 года Институт литературы имени М. Абегяна Академии наук Армянской ССР приступил к академическому изданию произведений Х. Абовяна. Уже изданы первые пять томов. К 150-летию со дня рождения Х. Абовяна выходят в свет VI и VII тома, а также отдельными книгами «Раны Армении» на армянском и русском языках.

Произведения Абовяна переведены на языки народов Советского Союза.

В библиотеке имени А. Мясникяна хранятся русские издания «Ран Армении» 1893 и 1914 годов.

В 1948 году в Москве в связи со 100-летием со дня смерти писателя было издано на русском языке «Избранное» Х. Абовяна. «Избранные произведения» Х. Абовяна выходили на украинском языке; «Раны Армении» изданы на литовском языке.

Произведения Х. Абовяна переведены также на азербайджанский, грузинский и узбекский языки.

Пример служения Родине

Степан ЗОРЯН

Хачатур Абовян! Самая светлая и одновременно самая трагическая фигура в армянской литературе... Светлая своими стремлениями и деятельностью, трагическая своим одиночеством и кончиной. Впечатления детских и юношеских лет формировались у него под беспросветным персидским владычеством; образование, послэ освобождения Еревана, получил он в университете просвещенной страны. Поэтому и сердце его полно было, с одной стороны, тяжкими горестями и черными воспоминаниями родного народа, а с другой стороны, ликованием недавнего освобождения от ига персидской тирании и перспективами возрождения народа. Обладатель широкой, впечатлительной и восприимчивой души и пламенного темперамента, он должен был отобразить, не мог не отобразить все это,—и стал певцом и деятелем новой эпохи.

Огонь патриотизма воспламенился в его душе, и он выступил, как глашатай новых дней, как пробудитель дремлющих душ, как возвещающий рассвет набат!

Абовян прекрасно сознавал свою роль. Как истый художник, он говорит об этом языком образов, сравнивая себя с «немым» сыном Креза, у которого при виде неминуемой смерти, угрожавшей отцу, развязался «молчавший двадцать лет язык», развязался внезапно, развязался от любви... Он видел трудолюбивый, честный родной народ, обладателя и созидателя большой культуры в прошлом, прозябающим в духовном мраке, и его впечатлительное сердце наполнялось неудержимым, страстным желанием указать родному народу на его раны, показать ему путь к исцелению и возрождению.

И, воодушевленный этим заветным стремлением, он пишет свои первые произведения, а вслед за ними—и свой шедевр—«Раны Армении», в который вкладывает всю свою душу, все свои заветные думы и все свое пылкое, взволнованное сердце, горячий трепет которого чувствуешь и ощущаешь и сегодня, перечитывая страницы романа. До каких творческих высот поднимал его пламенный патриотизм!

Абовян написал свой роман под впечатлением непосредственных, обжигавших его душу переживаний. Несмотря на все многочисленные отклонения, книга монументально цельна и целеустремленна; даже, если хотите, эта форма письма была выражением времени, времени, когда в стране не было ни газеты, ни другого писателя, говорившего о мирской жизни. Абовян был одинок, а было необходимо затронуть многие вопросы...

«Раны Армении»—это скорее всего поэма, написанная под влиянием стихийных чувств, такая же, как поэмы Байрона, в которых великий британский бард также совершает большие экскурсы, отклоняясь от основного сюжета.

Но как бы мы ни определяли «Раны Армении» с точки зрения литературного жанра, это—творение самого широкого творческого диапазона, сыгравшее исключительную роль и имевшее огромное влияние и на армянскую литературу и на жизнь армянского народа.

Если верно то, что подлинный писатель является выразителем своего времени, то лучший пример этого являет собой Абовян. Несомненно, в его время многие чувствовали необходимость и неотложность культурного возрождения армянского народа, но не всем даны были и широкий умственный кругозор, и творческое уме-

ние выразить это. И Або-
вян явился выразителе
дум этих людей, их горе
стей и чаяний.

Но Абовян должен был не толь
писать, а и бороться против застоя и ф
натического преклонения перед старин
у своих соотечественников, против ко
серватизма и рутинерства недобросовес
ных царских чиновников,—он долж
был обладать умением проповедова
убеждать, растолковывать для того, что
быть в состоянии повести вперед
мянский народ, реформировать и его бы
и его мышление. Для достижения эт
целп Абовян использовал почти все лит
ратурные жанры—роман, рассказ, стих
творение, басню, очерк, педагогическ
произведения и переводы.

Но Хачатур Абовян—не только основ
положник и зачинатель новой армянск
литературы и нового литературного яз
ка—«ашхарабара». Как писатель, Абов
был литературным наставником и вдо
новляющим примером для писателей
следующих поколений. Смело можно
верждать, что именно от Абовяна пош
у нас два литературных течения, ста
шими представителями которых б
ли, с одной стороны, Раффи, а с др
гой—Перч Прошян; первый развивал с
бодолюбивую и героическую традицию
мана Абовяна, а второй—традицию оп
сания быта и жизни сельского населен
Армении.

Не был Абовян и обычным культурт
гером: он был великим «мирским» поэт
родного народа, великим его просвети
лем. В прошлом его не раз сравнивали
точки зрения творческой мощи, с кру
нейшим поэтом нашего средневековья
век) Григором Нарекаци; сходство на
дили в том, что Абовяну присуща так
же стихийность и богатство творческ
слова, которые отличали Нарекаци,
он так же впечатлителен и пылок,
Нарекаци. Но различны эпохи, в котор
жили они: Абовян обеими ногами проч
стоит на земле, живет и мучается го
стями народа, ищет путей для просвещ
ния народа, привития ему высокой с
нательности. С каким пылким воодуш
лением говорит он об успехах сво
учеников, какие усилия прилагает к
му, чтоб они смогли получить высш
образование и, вернувшись, выполни
великую миссию просвещения родного
рода! А в лице Агаси—главного персо
жа «Ран Армении» — Абовян рисует
образец героя, сражающегося во имя
рода, для его освобождения, как бы го
ря: «Вот каким должен быть армянск
юноша!..»

Наряду с этим в творчестве и д
тельности Абовяна мы замечаем и ин
очень яркую особенность, венчающую
славой подлинного гуманиста. Буду
сам сыном угнетенного народа, от во
души ненавидя угнетение, Абовян не ч
ствует ненависти ни к одному наро
писатель с чутким и большим сердцем,
проповедует любовь и дружбу с друг
народами.

На протяжении всей своей литератур
общественной деятельности Хачатур А
вян был бесстрашным борцом за свои и
Он и погиб так, как погибает на поле б
вы или пропадает без вести воин-гер
Можно сказать, что он горел, как свети
ник и, горя, сжег себя во имя просвещен
и благоденствия родного народа, для по
ды его новой культуры. Поэтому-то б
годарный армянский народ не забыв
и никогда не забудет своего самоотверж
ного, своего благородного, своего велик
сына!

Новые материалы об Абовяне

Проф. М. НЕРСИСЯН

В литературе, посвященной жизни и творческой деятельности великого армянского просветителя-демократа Хачатура Абовяна, общепризнанным является то мнение, что первое публичное выступление Абовяна, или, точнее говоря, его первое выступление в печати, имело место в 1835 году, когда в газете «St. Petersb. Zeitung» была опубликована статья Абовяна о восхождении профессора Дерптского университета Ф. Паррота и его спутников на гору Арарат.

Это мнение, до сих пор не оспаривавшееся никем, является неправильным. Совсем недавно, когда нам пришлось в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде изучать комплект газеты «Тифлисские Ведомости» за 1828—1832 гг., выяснилось, что в указанной газете, являющейся в настоящее время библиографической редкостью, в апреле 1831 года был напечатан рассказ Абовяна об экспедиции профессора Паррота. Но странным образом это первое выступление Абовяна в печати осталось совершенно незамеченным абовяноведами и о нем нигде нет никакого упоминания.

Появление в печати рассказа Абовяна об экспедиции Ф. Паррота имеет интересную историю. В 1829 году в «Тифлисских Ведомостях» была напечатана статья проф. Паррота, где он рассказывал о своем восхождении на Арарат. В январе 1831 г. в той же газете (№№ 1—5) появилась большая статья царского чиновника П. Шопена под заглавием «О произведениях и богатстве Эриванской провинции». В последней части своей статьи Шопен между прочим писал: «Где обещаются столь богатые жатвы любопытству археолога! Вот древний Масис (так в оригинале — М. Н.), гора ветхого завета, которая высоко над облаками скрывает седую вершину свою и к коей после праотца нашего Ноя не прикасалась еще нога человеческая».

В связи с этими строками редактор газеты П. Санковский к статье Шопена сделал следующее подстрочное примечание: «Неужели почетному сочинителю сей статьи неизвестен славный подвиг, совершенный профессором Парротом?»

В ответ на это замечание П. Санковского в феврале того же года (№ 11) в «Тифлисских Ведомостях» появилось письмо Шопена. Автор письма говорил, что он знает об экспедиции профессора Паррота, но не убежден в том, что Парроту действительно удалось подняться на вершину горы Арарат. Шопен высокомерно и бездоказательно писал: «В целой Эриванской провинции, — исключая дьячка (имеет в виду Х. Абовяна —М. Н.), подписавшего свидетельства об успешном окончании предприятия, — от малого до большого, все утверждают, что экспедиция не была на вершине Арарата».

Это заявление Шопена, выражающее мысли и чувства реакционных кругов, не осталось без ответа. В апреле того же года (№№ 21—23) в газете было опубликовано письмо Ф. Паррота, в котором опровергались все доводы Шопена и приводились новые доказательства об успешном восхождении на гору Арарат. В письме говорилось и об Абовяне. Паррот писал: «В числе сопутствующих мне не было никакого дьячка; но молодой монах, в сане диакона, служивший переводчиком в монастыре Эчмиадзине, по имени Хачатур Абовян, который уже гораздо более имеет образования, нежели какового достигнуть может какой-либо армянин в Эчмиадзине или Эривани. Он не подписывал никакого свидетельства о совершении нашего предприятия, ибо такового, сколько я знаю, не бывало и не существует; но он во всякую минуту готов утвердить священною клятвенною присягою, что мы были на вершине».

Но, помимо письма Паррота, в этом же номере «Тифлисских Ведомостей» выступил и сам редактор газеты П. Санковский, который поддерживал проф. Паррота. Санковский писал: «Когда в 1829 г. я поместил в «Тифлисские Ведомости» статью о восхождении г-на Паррота на Арарат, я был атакован со всех сторон людьми, которые с язвительною улыбкою упрекали меня в моей доверчивости к подобным вестям. Иные доказывали мне невозможность в исполнении подобного подвига тщетным покушением Армянского Патриарха Якова, который, желая видеть ковчег, не был до оного допущен явным чудом; другие неудачными попытками Сардаря Эриванского; третьи постоянным ветром, который стережет вершину горы, немногие физическим положением горы, а многие почитали даже святотатством и самое покушение ученого профессора и не иначе соглашались ему верить, как если он привезет с собой кусок ковчега. И тогда уже большая часть туземцев готова была божиться, что Паррот не был на вершине Арарата. По сим причинам и по другим, о коих из уважения к предмету я здесь умалчиваю, я тогда же убедился в том, что ученая экспедиция будет иметь сильную против себя партию, в особенности в Армянской области».

В заключение Санковский говорит о своей встрече с Абовяном. «Я расспрашивал дьякона Хачатура, бывшего безотлучно при г-не Парроте во время его восхождений на Арарат. Простой рассказ сего очевидца, сопровождаемый такими подробностями, которые отклоняют даже всякое подозрение в вымысле, может, кажется, убедить каждого в искренности его показаний. Повествование его я передаю здесь со всею возможною точностью».

Непосредственно после этих строк напечатан рассказ Абовяна об экспедиции проф. Паррота, рассказ, который, как мы уже отметили, в дальнейшем каким-то образом остался совершенно незамеченным.

По своему об'ему эта статья Абовяна составляет примерно ⅓ печатного листа. В ней довольно обстоятельно говорится о восхождении Паррота и его спутников на Арарат. Вопреки мнениям реакционных кругов, Абовян с особой силой подчеркивал то обстоятельство, что членам экспедиции удалось с успехом преодолеть серьезные трудности и достигнуть вершины горы Арарат. Рассказ Абовяна начинается следующим образом: «В 1829 году прибыл в Эчмиадзин г-н профессор Паррот со своими товарищами. Я был в то время переводчиком при Армянском патриархе. Ученые путешественники были приняты нашим духовенством со всем должным уважением и мне велено было находиться при них и удовлетворять всем их требованиям. Узнав от них, что они намерены достигнуть вершины Арарата, я из'явил желание им сопутствовать. По убедительным просьбам г. Паррота, я получил на сие соизволение Эчмиадзинского Синода. Не могу рассказать как я обрадовался случаю находиться в обществе людей с такими познаниями и быть участником в их предприятии».

Далее Абовян пишет: «9-го сентября мы выехали из Эчмиадзина и направили путь наш прямо к Арарату. Мы ночевали на берегу Черной речки...

На другой день мы встали поутру рано и г. Паррот с г. Бегагелем занялись с'емкою горы, другие же их товарищи принялись собирать цветы, растения и разных животных. Вскоре потом мы поднялись оттуда к деревне Аргури. Жители, будучи армянами, приняли нас с величайшим уважением».

Переходя к описанию первых двух попыток восхождения на вершину Арарата, Абовян рассказывает: «На другой же день после прибытия нашего сюда (в деревню Аргури —М. Н.) г-н Паррот с г. Шиманом сделали первый опыт восхождения своего на Арарат. Они пробовали взойти с восточной стороны, но крутизна восточного ската убедила их в невозможности достигнуть оттуда своей цели и они возвратились назад. Место, до которого они достигли, по их наблюдениям, возвышается над поверхностью воды на 13.000 футов. Сие заставило г. Паррота искать другого всхода. По совету Ахурского старшины, армянина Степана Мелика, г. профессор 18 сентября стал подыматься с западной стороны. С ним находились гг. Бегагель и Шиман, три солдата и пять поселян. Хотя г. Паррот, щадя мою молодость, советовал мне не вдаваться в столь опасное путешествие, но твердо решившись быть верным их спутником во всех их полезных исследованиях, я об'явил ему свое непоколебимое намерение не отставать от них ни на шаг. Мы взбирались по самой дурной и неудобной дороге, а при наступлении ночи остановились возле снеговой области, наверху ущелья, называемого Кип гьол. Мы провели ночь самую беспокойную по причине холода и неровности места, на коем лежали. На другой день пред восхождением солнца, мы оставив все наши запасы и тяжести на месте нашего ночлега, продолжали наше путешествие и стали подыматься по снеговой полосе. Тихая погода да вновь выпавший снег совершенно нам благоприятствовали; но вдруг погода переменилась и густые туманы, покрыв совершенно вершину Арарата, понудили нас воротиться, тем более солнце клонилось уже к закату. Прежде нежели спустились, г. Паррот поставил среди того места, до которого мы достигли в сей день, крест, о коем упоминается в № 39 «Тифлисских Ведомостей» 1829 года».

С особым под'емом и вдохновением описано покорение вершины неприступной горы. «Сии два опыта могли бы поколебать человека не столь твердого и не столь пристрастного к наукам, как г. Паррот. Я не в силах выразить до какой степени он чувствовал всю важность принятой им на себя обязанности пред ученым светом. После сих первых опытов г. Паррот вернее стал рассчитывать способы к достижению своей цели и терпеливо в продолжение десяти дней, ожидая хорошей погоды, продолжал в уединении свои занятия. Во все это время вершина Арарата, покрытая густыми облаками, скрывалась от взоров наших. Наконец, величественный Масис открыл седую главу свою и, благосклонно приветствуя ученых путешественников, пригласил их принять заслуженную награду за их постоянство в перенесении толиких трудов и опасностей. 26-го сентября, чуть свет мы вновь пустились в путь. Люди, бывшие с нами в прежних попытках, устрашенные виденными ими затруднениями и опасностями, отказались на сей раз нам сопутствовать. Мы наняли других шесть мужиков, взяли их и двух солдат и отправились в путь. Сей раз мы имели ночлег выше того места, где останавливались при втором восхождении нашем: мы расположились в области снегов на небольшом холму, лежащем на западном закате горы. В эту ночь также холод пронял нас порядочно. На другой день мы с рассветом собрались в путь... Через десять часов мы достигли вершины горы. Не стану описывать восторга, который мы ощутили, когда подавили пятою голову гордого Арарата. Я весь трепетал от радости и между тем как г. профессор занимался своими барометрическими наблюдениями, я в восхищении бегал как ребенок по всей вершине горы и с жадностью отыскивал какой-нибудь предмет, какой я мог бы взять для памяти, но к крайней моей го-

рести ничего не нашел... На верш
Арарата, на северной ее стороне, я с
ственными руками своими поставил
ревянный крест. Мы спустились к ноч
гу нашему при захождении солнца».

Паррот и его спутники были также
Малом Арарате. Абовян пишет и об эт
«Мы были и на маленьком Арарате, ст
щем на востоке от большого; но путеш
ствие сие мы предприняли весьма поз
и в самое холодное время, то есть 28
тября. Мы ночевали в маленьком ово
но густом лесу, в котором однако
весьма мало плодоносных деревьев. В
местах также замечателен недостаток
воде. Мы принуждены были в сем пу
шествии взять воду с собою. Хотя
ленький Арарат гораздо ниже большо
но несравненно круче. В течение четы
часов мы едва взобрались на вершину
горы и то с величайшим трудом. Дур
погода и в сем восхождении много нам
шала. Вершина сей горы составлена
шести небольших холмов. Она возвыша
ся над поверхностью Черного моря
1865 аршин, а над поверхностью того
ста, где лежит Эчмиадзин, на 1445
шин. На сей горе и окрестностях о
множество развалин, доказательство,
места сии в древности были хорошо на
лены; ныне они совершенно оставлен

В своей статье Абовян останавлива
ся и на других вопросах.

Рассказ Абовяна об экспедиции пр
Паррота, как видно из статьи П. Санк
ского, был записан последним при
встрече в Тифлисе, которая могла сос
яться до июля 1830 года, ибо, как из
стно, Абовян выехал в Дерпт в июле
го года. Таким образом, статья Абовя
хотя она появилась в свет в апр
1831 г., принадлежит к произведен
писателя додерптского периода.

Статья Абовяна, вышедшая в свет
«Тифлисских Ведомостях», показыва
что Абовян еще в 1829—1830 гг. см
и публично выступал против реакции,
торая всячески старалась опорочить
дей науки и отчаянно боролась пр
всякого просвещения. Статья не ост
ляет сомнения в том, что молодой А
вян еще до его выезда в Дерпт был че
веком высокой культуры и эрудиции.
представляет большой интерес и с
точки зрения, что является первым
ступлением в печати великого армянс
го просветителя.